

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

АПРѢЛЬ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Автобіографическая записка государственнаго секретаря Василия Романовича Марченко. 1782 — 1839. Гл. II. Сообщ. проф. В. А. Вильбасовъ.	3—20	IX. Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка. Гл. XII — XIII	115—159
II. Пребываніе Петра Великаго въ Австрійскихъ Нидерландахъ въ 1717 г.	21—29	X. Записки Михаила Чайковского. Гл. IX—X.	155—181
III. Письма А. С. Шишкова графу Д. И. Хвостову	33—34	XI. Незлобскій одноклассникъ П. М. Захарьинъ. Сообщ. Анд. Никольскій.	183—190
IV. Мелочи воспоминаній. А. Статовича.	39—56	XII. Изъ бумагъ В. Г. Топалова. Сообщ. А. О. Шидловскій	191—212
На рубцѣ двухъ эпохъ. (Изъ личныхъ воспоминаній). Гл. IX — XII. (Обоимъ) М. А. Несковскаго.	57—78	XIII. Тридцать пятая годовщина дня освобожденія крестьянъ.	213—216
VI. Гусевъ IV и вел. княгиня Александра Явловна. 1794 — 1796 гг. Гл. IV. Барона Н. В. Дрилова	79—96	XIV. Записная книжка «Русской Старины»: Потребности Россіи, искавшея неизвѣстныхъ поэтовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (стр. 30). — Востокъ (31). — Письмо бурмистра своимъ почитателямъ. Сообщ. кн. А. Л. Голицына. (154). Статогорскіе кн. Долгорукаго «сура!», написанное по поводу Восточной войны 1853 — 1856 гг. кн. Дн. Долгорукаго (182).	
VII. Архимандритъ Петръ Мамонскій, начальникъ деловой Россійско-Императорской канцеліи въ Польшѣ Гл. XII — XIII. Александръ Можаровскаго.	97—108	XV. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи	217—224
VIII. Изъ воспоминаній о послѣднемъ офицерѣ арміи Наполеона I (въ портрету Н. А. Савона). К. Роговскаго	109—114	XVI. Библиографическіе листокъ (на оберткѣ)	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ М. А. Савона. Грав. К. Айтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ надъ 1896 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 1 ч. до 3 часовъ дня.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайшаго утвержденія Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъкопечная. 39
1896.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1896

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1896.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Вол. Подъяч., 39.
1896.

Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ.

IV¹⁾.

Пріѣздъ въ Оренбургскій край цесаревича Александра Николаевича.—Посѣщеніе имъ Илецкой заштаты.—Памятникъ ему тамъ.—Великій каналъ въ Уральскѣ.—Рыболовство.—Подача казаками жалобы.—Слѣдствіе по ней и крутая расправа Перовскаго.—Назначеніе четырехъ полковъ и судьба ихъ.

Замкнувшись, послѣ своей непріятной поѣздки, снова въ «столицѣ степей», В. А. по-прежнему не переставалъ мечтать о походѣ въ Хиву; но въ періодъ съ 1836 по 1838 г. мечта эта также не могла осуществиться, когда Оренбургскій край ожидалъ болѣе радостнаго событія. Готовились къ приему дорогаго гостя—наслѣдника престола цесаревича Александра Николаевича, который, съ согласія своего августѣйшаго родителя, глѣтомъ 1837 года съ научною цѣлю предпринялъ поѣздку по обширной матушкѣ Россіи. В. А.—чу поэтому было много заботъ и хлопотъ, чтобы достойно принять высокаго посѣтителя. Но мы не описываемъ здѣсь приготовленій этихъ, потому торжественныхъ встрѣчъ, увеселеній, парадовъ и смотровъ, устроенныхъ для его высочества въ Оренбургѣ, такъ какъ это уже нами описано²⁾, а коснемся здѣсь лишь только

¹⁾ См. «Русскую Старину» май 1896 года.

²⁾ См. нашу ст. «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Оренбургск. краѣ» («Истор. Вѣстн.», 1891, X, 172—182). Настоящая же глава, по вновь добытымъ архивнымъ даннымъ и отчасти заимкамъ г. Гуллева «Отрывки изъ прошлаго» («Уральск. Лист.» 1894, № 19, 20 и 22), даетъ совершенно новыя свѣдѣнія.

тѣхъ допущенныхъ нами пробѣловъ, которые не успѣли, по нѣкоторымъ причинамъ, попасть въ печать ранѣе, но которые очень важны не только для исторіи Оренбургскаго края и біографіи Перовскаго въ частности, но и для исторіи Россіи.

Какъ извѣстно, 12-го іюня великій князь прибылъ въ Оренбургъ, въ которомъ, пробывъ двое сутокъ и осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, 14-го числа, въ сопровожденіи свиты, мѣстныхъ начальствующихъ и конвоя изъ башкирскихъ панцырниковъ, изволилъ побывать въ Илецкой защитѣ, въ 62 верстахъ отъ Оренбурга, славившейся лучшей въ Россіи каменной солью, гдѣ осматривалъ немудреное и несложное производство работъ, въ описываемое время производившихся къ западу отъ защиты, не болѣе версты отъ нея, на огороженномъ жердями (повдѣе деревянной рѣшеткой) пространствѣ, шириною 800 кв. саж. на глубинѣ 60 фут. Сверху и по бокамъ яма эта, или по мѣстному названію разносъ, во избѣжаніе загрязненія соли осыпкой въ нее земли, защищалась досками (крышей), оставляя свободнымъ для вѣзда и выѣзда одну только южную сторону. Ломка соли здѣсь производилась такимъ образомъ.

Тяжелая работа эта. Въ то время ее производили арестанты ¹⁾ илецкой каторжной тюрьмы и мѣстные обыватели, поселенные тутъ съ 1753 года административнымъ порядкомъ, частію изъ семействъ солдатъ квартировавшей тамъ для содержанія гарнизона роты Алексѣевскаго пѣхотнаго полка, а частію изъ постепенно посылаемыхъ сюда сослынокаторжныхъ, которые, по отбытіи наказанія, водворялись здѣсь на мѣсто жительства и надѣлялись землей, составивъ потомъ особое сословіе мастеровыхъ, или, такъ называемыхъ, черно-рабочихъ, для дѣтей коихъ въ 1821 году тамъ была открыта горная школа. Но въ 1828 году послѣдовало высочайшее повелѣніе, по которому илецкіе мастеровые были обращены въ податное сословіе и посажены на оброкъ, чѣмъ, конечно, они были крайне обижены. И вотъ когда 14-го іюня 1837 г., цесаревичъ прибылъ въ Илецкую защиту и, радостно приветствуемый народомъ, осматривалъ работы въ копяхъ, обездоленные мастеровые и сослынки были ему челомъ о своемъ тяжкомъ горѣ и униженно просили заступиться за нихъ. Великій князь и самъ видѣлъ ихъ изможденные лица и тяжелый трудъ, который велъ къ упадку силъ и полному обнищанію въ случаѣ неспособности потомъ къ труду работника въ семьѣ, вналъ ихъ просьбы и ходатайствовалъ предъ государемъ о дарованіи имъ прежнихъ льготъ. Благодаря ходатайству этому въ 1849 году послѣдовало милостивое повелѣніе: всѣ рабочіе илецкихъ копей и водворенные въ Илецкой защитѣ сослынки снова были обращены въ сословіе горноза-

¹⁾ Отчасти это практикуется и теперь.

водскихъ мастеровыхъ, съ надѣленіемъ ихъ по 15 десятинъ на душу землей «изъ предоставленныхъ на этотъ предметъ вѣдомству соляныхъ промысловъ 3.000 десятинъ».

Движимые чувствами безпредѣльной преданности и искренней благодарности за столь великую милость, дабы увѣковѣчить для потомства этотъ знаменательный актъ въ ихъ трудовой жизни, ссыльные на свои собственные экономическія деньги рѣшили воздвигнуть цесаревичу памятникъ, который и былъ торжественно открытъ въ октябрѣ 1857 года.

Памятникъ этотъ и до сихъ поръ красуется на городской площади Илецкой защиты между цитаделью и почтовой конторой, близъ Воскресенскаго собора и зданія каторжной тюрьмы.

На широкой, сажени двѣ въ квадратѣ, сложенной изъ алебастроваго камня плитѣ, съ двумя ступенями во всѣ стороны, утверждена изъ такого же камня пирамидальной формы колонна, двухсаженной высоты, съ полутора-аршиннымъ (въ квадратѣ) основаніемъ, съуживающаяся къ верху вершковъ на семь и оканчивающаяся позолоченнымъ на вершинѣ шаромъ, вершка 3 въ діаметрѣ. Съ восточной стороны памятника, аршина полтора высоты и аршинъ ширины, прибита мѣдная доска съ такой надписью:

«Въ память посѣщенія его императорскимъ высочествомъ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ 14-го іюня 1837 года крѣпости Илецкой защиты и дарованныхъ вслѣдствіе того сословію мастеровыхъ Илецкаго солянаго промысла Монаршихъ Милостей, сооруженъ въ 1857 году» ¹⁾.

Памятникъ этотъ обнесенъ глухой деревянной оградой (прислани), которая въ настоящее время уже приходитъ въ разрушеніе.

Такимъ образомъ, пріѣздъ Александра Николаевича въ Илецкую защиту ознаменовался двойнѣ радостнымъ для жителей событіемъ. Только въ Уральскѣ, куда его высочество выѣхалъ изъ Оренбурга 15-го іюня, путешествіе великаго князя омрачилось печальнымъ случаемъ.

¹⁾ Здѣсь припоминается еще одинъ мало извѣстный памятникъ Александру Николаевичу. По Орскому тракту въ Губерлянскихъ горахъ. Сначала это былъ каменный столбъ, обнесенный деревянной рѣшеткой и поставленный генераломъ Обручевымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ его высочество, ѣдучи изъ Орска, не дождала 9-ти верстъ до Губерлянской крѣпости, остановился и изволилъ вкушать стужанъ ключевой воды. Вслѣдствіи памятникъ этотъ замѣненъ деревяннымъ столбомъ съ крестомъ. Помимо того, въ Оренбургскомъ краѣ есть еще три памятника, напоминающіе о покойномъ Александрѣ II: 1) Александровскій утесъ близъ Златоустовскаго завода съ собственноручно написанными его высочествомъ инициалами и временемъ восхожденія на утесъ этотъ, 2) Александро-Невскій соборъ въ Уральскѣ и 3) памятникъ Царю-Освободителю въ г. Самарѣ. Всего, слѣдовательно, пять памятниковъ.

Уральцы, какъ извѣстно, всегда отличались безпокойнымъ и строптивымъ характеромъ, постоянно безпокою начальство «неумѣстными и съ закономъ не сообразными просьбами», жалуются на различныя притѣсненія, въ сущности совсѣмъ не существующія. Ко дню пріѣзда цесаревича, въ уральскомъ войскѣ также была значительная партія недовольныхъ существующими войсковыми порядками. Недовольство это порождали особыя недавно выработанныя правила для промысловъ аханнаго и курханнаго.

Надо припомнить здѣсь, что раньше, много лѣтъ тому назадъ, курханный промыселъ или курханское рыболовство производилось въ курхайскомъ морцѣ, на границѣ Уральскаго войска съ Букеевской ордой. Когда же море это высохло, то рыболовство было перенесено въ Каспійское море, вправо и влево отъ устьевъ Урала, гдѣ курханное и аханное рыболовство, обогащая весьма немногихъ рыболововъ, въ глазахъ большинства казалось ущербомъ для главнаго кормильца войска—Урала рѣки.

И вотъ, какъ только разнеслась вѣсть, что въ Уральскъ прибудетъ августѣйшій атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, недовольные завоженились, настроили прошеніе и во что бы то ни стало рѣшили подать его цесаревичу. Подъ прошеніемъ, помимо простыхъ казаковъ, подписалось много и офицеровъ.

Въ назначенный для пріѣзда его высочества день, т. е. 16-го іюня, когда уже все было приготовлено къ встрѣчѣ дорогаго гостя—на Большой Михайловской улицѣ у дома войскаго атамана ¹⁾, гдѣ предназначалась квартира его высочеству, накрытъ былъ столъ съ хлѣбомъ-солью, стоялъ почетный караулъ отъ Уральскаго городского полка ²⁾, собрались всѣ офицеры и масса публики,—толпа недовольныхъ казаковъ явилась сюда къ оставшемуся за наказнаго атамана полковнику Ф. Т. Вязанову и постоянно стала требовать, чтобы имъ позволено было поднести особо хлѣбъ-соль цесаревичу за городомъ, въ надеждѣ, конечно, воспользовавшись такимъ благоприятнымъ случаемъ, подать свою просьбу великому князю.

Вязановъ долго уговаривалъ казаковъ не омрачать радостные дни какой-либо нехлѣпой выходкой. Но казаки знать ничего не хотѣли и «гадѣли» свое. Въ силу необходимости, чтобы не раздражать ихъ и тѣмъ больше не увеличивать смуты въ войскѣ въ такіе торжественныя минуты, пришлось разрѣшить имъ поднесаніе хлѣба-соли за городомъ. Лишь, во избежаніе какой-либо скандальной исторіи, приняты были всѣ мѣры

¹⁾ Войсковымъ (наказнымъ) атаманомъ въ это время былъ генералъ-маіоръ Полатиловъ, выѣхавшій встрѣчать цесаревича на границу войска.

²⁾ Уральскій городской полкъ сформированъ въ 1831 году для караульной службы въ г. Уральскъ и на передовыхъ постахъ за рѣкой Ураломъ.

предосторожности и усиленъ полицейскій надзоръ. Къ сожалѣнію, какъ тщательно ни слѣдили за казаками, они потомъ все-таки улучили минуту и подали его высочеству жалобу.

Цесаревичъ, въ сопровожденіи свиты и провожавшаго его отъ Оренбурга Перовскаго, прибылъ въ г. Уральскъ ровно въ 1 часъ дня 16-го іюня ¹⁾ и остановился въ атаманскомъ домѣ.

День былъ солнечный, жаркій. И хотя для угощенія дорогаго гостя были приготовлены всевозможныя яства и питія дорогія, различными прохладительными, какія можно было доставить въ Уральскъ, чтобы ни въ чемъ не было недостатка по требованію его высочества; но великому князю надобно уже всѣ эти лимонады-газесы, мороженое и проч., и онъ пожелалъ напиться просто квасу, а этого какъ разъ и не приготовили, ибо никакъ не предвидѣли, что потребуются такой недорогой продуктъ. Туда, сюда, бросившись искать и наконецъ-то насилу нашли у одной чиновницы Чернобровиной.

Послѣ приѣма властей и легкой закуски, цесаревичъ присутствовалъ при закладкѣ (въ честь его) Александро-Невскаго собора, заложивъ первымъ въ основаніе его камень съ надписью времени заложенія. Мѣсто подъ соборъ этотъ было намѣчено еще въ 1831 году, и всѣ частныя дома, бывшіе тутъ, свесены на войсковой счетъ. Храмъ этотъ потомъ строился также на войсковой счетъ и освященъ преосвященнымъ оренбургскимъ и уфимскимъ Іосифомъ въ 1850 году ²⁾.

Вечеромъ того же дня его высочество посѣтилъ примѣрное багреніе и плавию. Для багрения былъ устроенъ довольно большой плотъ, изображавшій собой ледъ, гдѣ, на подобіе прорубей, были сдѣланы отверстія. Рыба заранѣе была напущена въ садокъ. На плоту съ баграми стояли только офицеры. Когда они стали опускать чрезъ отверстія багры въ воду и вытаскивать осетровъ, цесаревичъ также пожелалъ испробовать свои силы.

— А могу ли я забагрить рыбу?—спросилъ онъ графа Перовскаго.

— Конечно, ваше высочество, — отвѣтили присутствующіе.

¹⁾ Г. Гулаевъ («Уральск. Листъ» 1894, № 20) говоритъ, что великій князь прибылъ въ Уральскъ «въ половинѣ десятаго». Это невярно ни логически, ни фактически. Въ письмѣ своемъ военному министру отъ 18-го іюня 1887 года Перовскій точно опредѣлилъ время приѣзда—1 часъ дня. Кромѣ того, когда же бы его высочество успѣлъ сдѣлать приемъ начальствующихъ, присутствовать при закладкѣ храма и смотрѣть на примѣрное рыболовство, когда на другой же день въ 8 час. утра уѣхать въ Казань. (См. нашу ст. «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Оренб. краѣ», «Истор. Вѣстн.», 1891, X, 180).

²⁾ Г. Гулаевъ и здѣсь дѣлаетъ грубую ошибку, указывая освященіе храма этого въ 1861 году; между тѣмъ, по свѣдѣніямъ оренбургской консисторіи, оно произошло именно въ указанное нами время. (См. нашу ст. «Зачатки единовѣрія на Уралѣ»; «Русская Старина» 1894, VIII, 67).

Въ мигъ ему былъ поднесенъ длинный багоръ, начальство столпилось около проруби, великій князь опустил багоръ въ воду и забавлялъ крупнаго яркаго осетра, котораго успѣлъ ему подбавить помковникъ Бняиновъ.

Но на этомъ багрениіи случилась для многихъ пренепріятная исторія. Плоть былъ недостаточно укрѣплена на устояхъ и отъ скопленія народа сталъ погружаться въ воду. Цесаревичъ, однако, успѣлъ вскочить въ поданный ему 12-ти-весельный катеръ ¹⁾, чѣмъ и избѣжалъ опасности. Но нѣкоторымъ офицерамъ пришлось выкупаться въ парадной формѣ.

Затѣмъ наследникъ осмотрѣлъ плавню, когда молодые казацата (дѣти-подростки) бросались съ Краснаго Яра головой внизъ и «колѣмъ» ныряли въ воду, доставали со дна землю и выдѣлывали различные «фортеля».

Около катера цесаревича, держась ближе всѣхъ къ августѣйшему атаману, особенно выдѣлывалъ на водѣ разныя «колѣнца» мальчикъ, по фамиліи Курлиничъ, такъ что даже его высочество обратилъ на него вниманіе и, какъ рассказываютъ, будто бы сказалъ:

— Въ глазахъ этого мальчугана свѣтится недюжинный умъ.

Впоследствии предсказаніе цесаревича сбылось. Мальчикъ этотъ, Меркурій Кузьмичъ Курлиничъ, былъ однимъ изъ выдающихся администраторовъ въ уральскомъ войскѣ. Онъ служилъ въ областномъ и войсковомъ (хозяйственномъ) правленіяхъ и умеръ генераломъ въ отставкѣ.

Стало уже смеркаться, когда окончилась плавня, и великій князь вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ сѣли въ экипажъ и направились въ городъ. Но едва коляска его высочества отъѣхала отъ Урала шатовъ сто или двѣсти, какъ громадная толпа казаковъ окружила ее, схватила лошадей подъ уздцы и остановила экипажъ.

— Утри, надежда-государь, наши кровавыя слезы,—завопили казаки, при чемъ двое изъ нихъ—Филичевъ и Павловъ, якобы отъ лица всего войска, подали ему прошеніе.

Это произошло такъ неожиданно ²⁾, что съ его высочествомъ сдѣлалось дурно. У него изъ носа хлынула кровь.

¹⁾ Катеръ, на которомъ позволилъ плавать по Уралу цесаревичъ, долгое время сохранялся въ Митрасовской пожарной части, но во время бывшаго въ 1879 году въ городѣ Уральскѣ пожара сгорѣлъ. Багоръ же, который держалъ въ своихъ рукахъ великій князь, и до сей поры, какъ драгоценность, хранится въ уральскомъ войсковомъ хозяйственномъ правленіи.

²⁾ Говорятъ, что казаки до того скрывались въ оврагѣ, и когда великокняжеская коляска вѣхала на мостъ, устроенный черезъ оврагъ этотъ, они выскочили изъ него. Г. Гуляевъ рассказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе:

Тутъ началась такая «кутерьма», что описать трудно. Перовскій разсвирѣпѣлъ, какъ никогда. Виновиные были тотчасъ же отысканы и схвачены, а на другой день, послѣ отъѣзда его высочества, В. А. самъ ихъ допрашивалъ.

Податели прошенія оказались людьми донельзя грубыми и невѣжественными, особенно же казакъ Павловъ, дерзкій на языкъ; когда Перовскій допрашивалъ его, онъ или молчалъ, или отвѣчалъ остротами. В. А. вспылилъ и назвалъ его «чортомъ».

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, я живу по образу и подобию Божію, какъ сынъ Божій.

— А я по-твоему кто? Я не Божій сынъ?

— Сынъ-то ты—сынъ, да съ рыла-то—сынъ,—дерзнулъ сказать корпусному командиру этотъ грубый человѣкъ, намекая тѣмъ на то, что Перовскій брѣлъ бороду и имѣлъ синеву на подбородкѣ; ну, а въ бородѣ, по понятіямъ уральскихъ раскольниковъ, и заключается все подобіе Божіе.

Раздраженный донельзя, Перовскій, не добившись ничего положительнаго, уѣхалъ въ Оренбургъ и оттуда о случившемся послалъ государю эстафету, поручивъ Покатилову возможно скорѣе разслѣдовать дѣло.

Императоръ Николай былъ сильно разгнѣванъ поступками уральцевъ и повелѣлъ Перовскому «выбить изъ нихъ дурь».

Тѣмъ временемъ Покатиловъ раздулъ дѣло до невозможности. Неожиданно пріѣхалъ въ Оренбургъ и наскоро началъ начальнику края, что въ Уральскѣ началось опасное броженіе умовъ, которое грозитъ разразиться открытымъ бунтомъ. Перовскаго это еще больше взбудоражило. Не теряя ни минуты, онъ приказалъ двинуть въ Уральскъ два батальона пѣхоты, роту оренбургской казачьей артиллеріи, три полка башкиръ и самъ поѣхалъ туда.

Покатиловъ же, какъ только войска выступили въ походъ, Богъ знаетъ для чего, можетъ быть изъ желанія выслужиться предъ Перовскимъ, немедленно частнымъ письмомъ увѣдомилъ о томъ Вязанова (оставшагося за него въ Уральскѣ) и просилъ его, какъ только батальоны станутъ подходить къ городу, то для встрѣчи ихъ выстроить уральскій городской полкъ и затѣмъ, приспособивъ на городскомъ валу старня заржавленные пушки, хранящіяся въ войсковомъ арсеналѣ, произвести изъ нихъ салютацию. Но Вязановъ былъ слишкомъ

«Когда экипажъ съ наследникомъ отъѣхалъ отъ атаманскаго дома, толпа казаковъ бросилась изъ Крестовой улицы на Большую и противъ выѣзжнаго магазина Симанова остановила лошадей». Но врядъ-ли это вѣрно. Казаковъ не допустили бы въ самомъ городѣ устроить такую процессію.

уметь, чтобы исполнять это въ своемъ родѣ дикое распоряженіе наказаннаго атамана. Посовѣтовавшись съ войсковыми старшинами, онъ назначилъ войсковой покось и выслалъ всѣхъ казаковъ изъ города на работы, чѣмъ спасъ отъ явной гибели многихъ неповинныхъ, ибо, если бы было исполнено требованіе Покатилова, то Перовскій легко могъ вообразить, что казаки дѣйствительно забунтовались, если уже выстрѣлами встрѣчаютъ правительственные войска.

Когда полки вступили въ Уральскъ, тамъ царилъ мертвая тишина, даже Перовскій удивился этому.

— Что же я не вижу никого?—спросилъ онъ Бзяинова.—Гдѣ казаки?

— Всѣ на валовомъ покосѣ, ваше превосходительство.

— Они бунтуютъ адѣсь?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ полковникъ,—всѣ казаки спокойны и послушны своему начальству.

Перовскій нахмурился и косо посмотрѣлъ въ сторону Покатилова.

Вскорѣ послѣ того, по высочайшему повелѣнію, началось строгое разслѣдованіе. Много казаковъ было наказано розгами, многихъ прогнали съвоемъ строй и сослали въ Сибирь. Офицеры, поднимавшіеся подъ прошеніемъ, всѣ были разжалованы, и въ видѣ общей мѣры наказанія приказано было снарядить не въ очередь четыре конныхъ полка на службу.

Эта мѣра тяжелѣе всего отразилась на уральцахъ, потому что отбываніе воинской повинности въ то время у нихъ производилось наименѣе (какъ отчасти и въ настоящее время).

Для того, чтобы выставить на службу известное число казаковъ отъ войска, по числу всего служиваго состава населенія, дѣлалась раскладка (разверстка)—на какое количество остающихся придется собрать одного. Примѣрно: если со ста человекъ нужно было взять десять, чѣмъ, слѣдовательно, составляло одинъ на девятыхъ, то десятокъ этотъ или выбиралъ изъ среды своей охотника побѣднѣе, а остальные девять собирали его, т. е. покупали ему лошадь, сѣдло и все вооруженіе и снаряженіе и давали на оставшуюся семью или ему-самому известную (выговоренную) сумму денегъ; или же, и чаще всего, казаки занимали за себя другаго, изъ отслужившихъ уже положенный срокъ службы и специально промышлявшихъ тѣмъ казаковъ, какихъ въ уральскомъ войскѣ было достаточно; отчего,—нельзя не упомянуть при этомъ,—въ полкахъ уральскихъ находились больше старыя, чѣмъ молодыя казаки. Но когда потребовалось экстренно собрать четыре полка, составлявшихъ двѣ трети всего служиваго (наличнаго) состава населенія, старыхъ казаковъ набрать было неоткуда, и поэтому очередныхъ приходилось выбирать изъ среды себя по жребію отъ

трехъ человекъ двоихъ, т. е. другими словами, одному, оставшемуся дома казаку, надо было нанять за себя двоихъ. «Наёмка» повтому была дорогая, такъ какъ къ тому же полки шли безсрочно. Говорятъ, что оставшимся казакамъ обходилось снаряженіе двухъ воиновъ отъ 1½, до 2 тысячъ рублей на ассигнаціи.

Полки были собраны скоро и осенью того же года выступили въ походъ: № 1-й—подполковника Осипова—на Кавказъ, въ Грузію; № 2-й—подполковника Акутина—въ Бессарабію; № 3-й—войскаго старшины Маркова—въ Финляндію, а только № 4-й—полковника Бизанова, впредь до особаго распоряженія, былъ оставленъ въ войскѣ и расположенъ на Нижне-Уральской линіи.

Климатъ Грузіи, съ своей изнурительной кавказской жарою, былъ очень губителенъ для уральскихъ казаковъ. Въ 1-мъ полку, въ теченіе четырехъ лѣтъ, отъ 900 всадниковъ осталось не болѣе 300 человекъ. Но обыкновенно русскій человекъ во всѣхъ своихъ несчастіяхъ обращается съ молитвою къ Богу, такъ и уральцы, хотя раскольники, просили помощи Заступницы всѣхъ скорбящихъ, и надумали соорудить полковой образъ Покрова Пресв. Богородицы ¹⁾. Насколько была сильна ихъ молитва и вѣра въ Промыслъ и милость Божию, видно изъ того, что на сооруженіе образа этого жертвовали не только русскіе казаки, но и татары, и калмыки. И Владычица, видимо, услышала ихъ горькія молитвы.

Въ 1842 году полкъ этотъ располагался по станціямъ Военно-Грузинской дороги для сопровожденія почтъ и проѣзжающихъ. Случилось такъ, что въ этомъ году начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса былъ назначенъ полковникъ П. Е. Коцебу ²⁾ и проѣзжалъ этимъ путемъ въ Тифлисъ. Казаки своей ловкостью обратили на себя его вниманіе. Онъ разговаривалъ съ ними и узналъ объ ихъ печальномъ положеніи.

— Хорошо!—сказалъ имъ полковникъ,—я похлопочу за васъ.

И дѣйствительно похлопоталъ.

Въ томъ же 1842 году изъ Уральского войска на службу 1-го полка былъ присланъ полкъ № 7-й.

Такъ плачевно кончилась для казаковъ ихъ неумѣстная жалоба.

¹⁾ Икона эта въ настоящее время находится въ Михайло-Архангельскомъ (единицѣреческомъ) соборѣ, куда была пожертвована казаками по возвращеніи полка на родину.

²⁾ Впоследствии графъ и варшавскій генералъ-губернаторъ.

V.

Послѣ Хивинскаго похода. — Черезъ Самару. — „На пересѣлку“. — Назначеніе оренбургскаго военнаго губернатора Обручева. — Два анекдота о немъ.

Мы не касаемся здѣсь извѣстнаго несчастнаго похода Василя Алексѣевича въ Хиву въ 1839 году, такъ какъ это описывалось уже нѣсколько разъ и даже съ мельчайшими подробностями. Извѣстно, что походъ этотъ кончился полнѣйшей неудачей, отчасти вслѣдствіе невѣстности для насъ намѣченнаго пути, а самое главное, благодаря тому, что походъ былъ начатъ зимой, а не весной, какъ бы то слѣдовало и было удобнѣе. Къ этому не мѣшаетъ добавить и то, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, какъ администратора и полководца, Перовскій былъ слишкомъ доверчивъ и сластолюбивъ, что, подъ вліяніемъ женщинъ, допускалъ къ себѣ такихъ людей, которые вездѣ и всюду только преслѣдовали цѣль наживы. Особенно же почти неограниченнымъ доверіемъ его пользовался «одинъ изъ выскочекъ, пролазъ, низкій по со- вѣсти», генералъ Цюлковскій, который, ради своихъ корыстныхъ видовъ, и посоветовалъ Перовскому начать походъ зимой, такъ какъ въ дан- номъ случаѣ ему было несравненно выгоднѣе, чѣмъ весной, заготовить сѣно и зерновой фуражъ для войскъ и обоза.

Воротился изъ похода Перовскій больной и измученный нравственно и физически и, послѣ безплодной переписки по этому поводу съ воен- нымъ министромъ, графомъ Чернышевымъ, принужденъ былъ самъ отпра- виться въ Петербургъ, чтобы лично отдать отчетъ о неудавшейся экспе- диціи государю ¹⁾.

Ѣхалъ онъ туда мрачный и угрюмый, не зная, конечно, какъ при- метъ государь его правдивыя объясненія. Безостановочно, сломя голову, день и ночь гналъ онъ впередъ, чтобы поскорѣе достигъ столицы, ско- рѣе выслушать, можетъ быть, грозный и суровый царскій приговоръ. Онъ такъ торопился, что даже Самару (въ то время самарскую станцію Оренбургскаго войска) онъ проѣхалъ, не останавливаясь, несмотря на то,

¹⁾ По ст. г. Захарьина („Русск. Арх.“ 1891 г., IV, 581 и 589) можно за- ключить, что Перовскій, воротившись изъ похода въ Оренбургъ въ ночь на 14-е апрѣля 1840 года, въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ отправился въ Пе- тербургъ и больше назадъ не возвращался, а въ 1842 г. на его мѣсто назна- ченъ генералъ Обручевъ. Старожилы говорятъ, что Перовскій проѣхалъ че- резъ Самару въ 1841 г. Кроме того, (въ Оренбург. центр. архивѣ, дѣло за 1841 г., № 3125, л. 69) находится допосеніе Перовскаго изъ Оренбурга на имя военнаго министра 1-го сентября 1841 г. Такъ что, по крайней мѣрѣ, до сентября этого года Василій Алексѣевичъ былъ еще въ Оренбургѣ и окончательно не покинулъ этотъ край.

что тамъ ждали его не только казаки съ хлѣбомъ-солью и аршинной стерлядью собственного улова, но и высшіе войсковые чины. Объ этомъ проѣздѣ Перовскаго черезъ Самару, отецъ мой, бывшій самарецъ, а потомъ переселившійся въ 1853 году въ Оренбургъ, вотъ какъ рассказываетъ.

Для встрѣчи и приѣма В. А.—ча была избрана особая депутация изъ старыхъ и почетныхъ казаковъ, въ числѣ коихъ очень выдѣлился своимъ «высоченнымъ» ростомъ, отставной казакъ Алексѣй Кабановъ, имѣвшій орденъ Георгія 4-й степени, медаль за войну 1812 года и орденъ св. Анны за 25-ти-лѣтнюю безпорочную службу ¹⁾, только «онъ былъ немножко съ простынкой, какъ его всѣ считали въ Самарѣ».

Перовскому была приготовлена квартира въ домѣ Завертѣева (онъ же Головачевъ) на Алексѣевской площади, гдѣ и дожидались его казаки, одѣтые въ черные длиннополные кафтаны съ борами и опоясанные голубыми ²⁾ кушаками, во главѣ съ засѣдателемъ 5-го кантона, есауломъ Петровымъ, и станичнымъ атаманомъ хорунжимъ Мальниковымъ. За городомъ, на Оренбургской дорогѣ, былъ выставленъ «для указанія квартиры» махалный казакъ.

Наконецъ, вдали зазвенѣлъ колокольчикъ, и черезъ нѣсколько минутъ показалась на дорогѣ карета Перовскаго.

— Кто изволитъ проѣзжать?—подскачалъ къ коляскѣ вѣстовой.

— Генералъ Перовскій!—что нужно?

— Позвольте доложить вашему превосходительству, — заговорилъ махалный, — квартира готова, выборные дожидаются, куда прикажете ѣхать?

— Скажи имъ идти на перевозъ, выглянувъ изъ окна кареты В. А.— Я не буду останавливаться.

Вѣстовой полетѣлъ на Алексѣевскую площадь. Перовскій же прямо прослѣдовалъ на паромъ, который въ то время «ходилъ» выше Струковского сада, между «Дубровой» и городомъ. Выборные, получивши отъ махалнаго такую грустную вѣсть, не слыша подъ собой ногъ, побѣжали туда и едва-едва успѣли на этомъ берегу застать корпуснаго командира. Экипажъ его на «Ванькѣ» — паромъ уже поплылъ на противоположную сторону въ имѣніе графини Орловой-Новосильцевой, а Перовскаго у этого берега дождался «раскрашенный крытый катеръ, съ шестью гребцами и однимъ кормщикомъ, одѣтыми въ красныя ру-

¹⁾ Записывая рассказъ со словъ очевидца, не могу однако утверждать, что въ то время простымъ казакамъ давались Анненскіе ордена.

²⁾ Национальный дѣлъ оренбургскихъ казаковъ, сохранившійся и по сію пору.

бахъ, плісовыя шаровары, зеленыя рукавицы и черныя «съ заломомъ» (?) шляпы».

Лишь только начальствующіе успѣли отапортовать ему о благополучіи станицы, онъ обратился къ выборнымъ:

— Чтѣ, пишутся казаки на пересѣлку ¹⁾?)

— Ничае нѣтъ, ваше превосходительство, — отвѣтилъ Мельниковъ.

— Какъ? Это что такое? — вспыхнулъ Василій Алексѣвичъ. — Почему? Чтобы у меня писались всѣ! — отрывалъ онъ.

— Ваше высокопревосходительство! — воспользовавшись этимъ моментомъ вѣтшища, выступилъ впередъ Кабановъ. — За что же на насъ такая немилость? Землю эту вѣдомъ и кровью отцы и дѣды наши «забрали», а насъ теперь гонять съ нею. Чѣмъ же мы провинились предъ батюшкой-царемъ? аки не вѣрно служили ему?

Перовскій пристально посмотрѣлъ на старика и, противъ всякаго ожиданія, подойдя ближе къ нему, положилъ руку на его плечо и кротко сказалъ:

— Правда твоя, дѣдушка: земля эта ваша. Но казаки-то для чего существуютъ, пойми ты это, старина! Вамъ теперь адѣсь осталось съ бабами воевать, а на границѣ войскъ нѣтъ. Для того вы и созданы, чтобы границы охранять. Поэтому васъ царь больше и жауетъ...

Похлопавъ по плечу георгіевскаго кавалера, Перовскій вскочилъ въ катеръ и крикнулъ гребцамъ:

— Пошлѣ! На перевалъ!

Казаки-гребцы дружно налегая на весла и въ какихъ-нибудь полчаса, пожалуй и того меньше, доставили его на другой берегъ.

— Молодцы! — похвалилъ онъ ихъ и выкинулъ имъ 25 рублей на водку.

Тѣмъ временемъ уныло, понура голову, расходились выборные по домамъ рассказать своимъ одиотаничникамъ близость предстоящаго гора. Ужъ больно обидно было казакамъ въ этотъ разъ, что корпусный

¹⁾ «На пересѣлку», т. е. на переселеніе изъ Самары на Оренбургскую линію, о чемъ еще въ 1826 г. государь выразилъ желаніе командиру Оренбургскаго корпуса, генералу Эссону, чтобы «оренбургское казачье войско, назначенное для охраненія Оренбургской линіи, было все поселено и имѣло постоянное жительство вдоль рѣки Урала, по пригласію уральскаго казачьяго войска». Въ 1837 г. повелѣніе это вновь было подтверждено, а 12-го декабря 1840 г. высочайше утверждено новое положеніе объ этомъ войскѣ, съ предоставленіемъ ему нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Но сначала казакамъ предоставлено было право «добровольно записываться и выбирать мѣста для своихъ поселеній». Тѣхъ же, которые не пожелали переселиться на линію, повелѣно было «обратить въ особые регулярные полки». Вотъ объ этой записи «На пересѣлку» и спрашивалъ выборныхъ Перовскій.

командиръ не удостоилъ принять ихъ хлѣба-соли, не отвѣдалъ изъ родной рѣки серебрястой стерляди.

Скрѣпя сердце, стали они готовиться покинуть родную Волгу-кориняцу, свои богатые пашни и нивы, чтобы идти въ невѣдомый край, «въ азіатскую сторонушку».

Въ слѣдующемъ 1842 году послѣдовало высочайшее повелѣніе: «всѣхъ казаковъ внутреннихъ кантоновъ (2.877 душъ мужск. п.) переселить безусловно на Оренбургскую линію въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска, а земли ихъ (716.722 дес.) передать въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ». Одновременно съ этимъ повелѣніемъ переселить бѣлопашатныхъ солдатъ и солдатскихъ малолѣтковъ, проживавшихъ въ уѣздахъ Бузулукскомъ, Бугульминскомъ и Мензалинскомъ (7.109 д. м. п.), а затѣмъ перенести на линію состоящее въ вѣдѣніи начальниковъ Оренбургскаго края Ставропольское калмыцкое войско (1.743 д. муж. и 1.593 ж. п.), расположенное въ г. Ставрополѣ (Самарскомъ) и его уѣздѣ, также съ передачей принадлежащихъ ему земель (196.758 дес.) въ вѣдомство государственныхъ имуществъ.

Послѣ того въ Самарѣ и другихъ (внутреннихъ) городахъ войску можно было жить только «по плакатнымъ билетамъ». Тѣ изъ казаковъ, которые уже служили на линіи, были прямо (безъ возвращенія, хотя бы временнаго) оставлены тамъ, а семейства ихъ высланы имъ на казенный счетъ. Наконецъ, въ 1846 году послѣдовалъ окончательный приказъ о выселеніи казаковъ изъ Самары.

— Собрали,—говорить отецъ мой,—всѣхъ казаковъ къ кантонной канцеляріи (въ домѣ Чекалина), прочитали приказъ, дали сроку три дня, чтобы собраться, и на третій день чуть свѣтъ, такъ что бабы не успѣли калачей выпечь изъ печей,—погнали голубчиковъ изъ города.

Дойхавъ до Петербурга, В. А. Перовскій имѣлъ возможность лично разсказать государю всѣ подробности своего несчастнаго похода. Николай Павловичъ слишкомъ любилъ его, чтобы не простить ему этой тяжелой неудачи, и участники похода потомъ были милостиво награждены. Но, въ видахъ успокоенія умовъ, Василій Алексѣевичъ самъ просилъ избавить его отъ обязанностей начальника Оренбургскаго края и дать ему время отдохнуть, успокоиться и залѣчить свои недуги и раны. Государь вполне сочувственно отнесся къ его просьбѣ. Перовскаго пожаловали членомъ Государственнаго Совѣта, а на его мѣсто въ началѣ 1842 года былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Владиміръ Афанасьевичъ Обручевъ, оставившій послѣ себя добрую память честнаго и вполне доступнаго человека.

Въ отличіе отъ Перовскаго, это былъ маленькаго роста, худенькій старичекъ, съ крѣпкимъ голосомъ и одѣвался простенько, постоянно ходилъ въ старенькой наколаевской шинели, ничѣмъ не отличался отъ

прочихъ офицеровъ, что нерѣдко порождало довольно курьезныя сцены.

Какъ-то разъ въ такомъ одѣяніи онъ ѣхалъ на парѣ почтовыхъ клячъ и въ почтовой же таратайкѣ по Самарскому тракту. Дѣло было весной, въ походе, и ему нужно было переправляться чрезъ рѣку Сакмару (въ пяти верстахъ отъ Оренбурга) на паромѣ. Подъѣзжаетъ онъ къ переправѣ; паромъ на противоположномъ берегу; ямщикъ крикнулъ: «Подавай!» Паромщики отчалили отъ берега, но не успѣли они отплыть шаговъ десяти, какъ съ пристани съ ихъ стороны, сломя голову, запряженная въ шикарный экипажъ, съ колокольчиками и бубенчиками, несется тройка лихихъ коней. Сидѣвшій въ экипажѣ господинъ въ статскомъ платьѣ, но въ форменной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ потребовалъ паромъ себѣ.

Паромщики въ недоумѣніи—кому подать прежде. А Обручевъ вынулъ табакерку, вынулъ два раза и махнулъ рукой:

— «Подавайте, молъ, ему!»

Тѣ повертели назадъ, посадили господина и перевезли на берегъ.

Обручевъ тако подошелъ къ нему и приподнял фуражку.

— А позвольте васъ спросить—кого я имѣю честь видѣть предъ собой?

— Я—коллежскій регистраторъ Р—новъ,—грубо отвѣтилъ тотъ.— А вы кто такой?

— Я... гмъ... Я генералъ-лейтенантъ Обручевъ.

Р—новъ такъ и присѣлъ.

— Вишь ты, чиновъ-то нахватался!—сказалъ Владиміръ Аеанасевичъ,— на гауптвахту!

Другой не менѣе того курьезный случай былъ въ Оренбургѣ, на плацъ-парадномъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городской Александровскій скверъ, противъ аданія городской думы.

Какъ-то осенью изъ Башкиріи притягли новобранцевъ въ башкирскій конный полкъ, стоявшій въ Оренбургѣ. Башкиры, какъ извѣстно, народъ лѣнивый и безнечный. Явились они сюда на смотръ на своихъ одрахъ ¹⁾, которые «не мазались» чуть ли не съ Адама, хотя дегтя у нихъ своего много. Колеса скрипятъ, хоть зажимай уши и бѣги вонъ съ плацъ-параднаго мѣста,—за версту слышно. А Обручевъ страшно не любилъ этого. Башкирамъ и говорить: «надо, молъ, оси подмазать, а то корпусный командиръ услышитъ скрипъ, порку имъ задастъ».

— Сейчасъ, сейчасъ мазать!

И тутъ же начинаютъ снимать съ осей колеса и производить «мазильную» операцію. Въ это время, никѣмъ не замѣченный, тако

1) Одеръ то же, что телѣга, только меньше и уже ея.

подходить Обручевъ и видитъ, что одинъ башкирецъ подмазываетъ не такъ, какъ ему кажется. Онъ выхватываетъ у него мазилку.—«Эхъ ты, дрянъ, мазать не умѣешь! Вотъ такъ надо!»—И начинаетъ подмазывать самъ. А башкирецъ стоитъ позади него и съ увлеченіемъ восклицаетъ:

— Ай яхши, ай яхши! Еще мази! мази пожалуста! Ай-да молосса!

VI.

Новое назначеніе Перовскаго въ Оренбургскій край.—Его кокандскій походъ.—Интрига Хивы.—Разбойникъ Исотка Кутебаровъ.—Взятіе крѣпостей Акъ-мечети и Джулека.—Возведеніе Перовскаго въ графское достоинство.—Значеніе кокандскаго похода.

Какъ извѣстно, послѣ хивинскаго похода В. А. Перовскій уѣхалъ лѣзть за границу, гдѣ кое-какъ залѣчивъ «свою тяжелую турецкую рану», снова вернулся въ Петербургъ и захандрилъ безъ дѣла. Пылкая натура его требовала дѣятельности, трудовъ, работы, а обязанности члена Государственнаго Совѣта не могли дать ему этого. Его тянуло на Востокъ, мечты его были тамъ, гдѣ можно было бы отличиться, проложить свободный доступъ намъ въ Среднюю Азію. Онъ былъ постоянно суиравченъ и молчаливъ, такъ что однажды государь, замѣтивъ удрученное его состояніе, спросилъ его:

— Что съ тобой, Перовскій? Не боленъ ли ты?

— Скучаю, ваше величество, по своимъ казакамъ.

— Въ Оренбургъ хочешь?

— Полетѣлъ бы хоть сейчасъ.

Тѣмъ разговоръ кончился, но это ободрило В. А.—ча. Онъ снова началъ развивать мысль о необходимости нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію и объ учрежденіи, для болѣе широкаго и свободнаго образа дѣйствій на границѣ съ киргизскою степью, особаго генералъ-губернаторства. И послѣ долгихъ мытарствъ добился-таки исполненія своего желанія.

Въ мартѣ 1851 года послѣдовалъ высочайшій приказъ, по которому оренбургскій военный губернаторъ генералъ-отъ-инфантерій Обручевъ назначался «присутствующимъ въ московскихъ Правительствующихъ Сѣната департаментахъ; управленіе же Оренбургскимъ краемъ, со включеніемъ Самарской губерніи ¹⁾, поручалось генералъ-адъютанту Перовскому» ²⁾.

¹⁾ Самарская губернія образована въ 1850 году изъ уѣздовъ Оренбургской:—Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Бугульминскаго; Симбирской—Самарскаго и Ставропольскаго и Саратовской—Николаевскаго и Новоузенскаго. Уѣздный г. Самара возведенъ на степень губернскаго города.

²⁾ См. въ дѣлѣ Тургайск. област. архива, № 26.876, указъ Сѣната на нил

И такимъ образомъ В. А. снова назначался въ Оренбургскій край, но уже не военнымъ губернаторомъ, какъ стараются доказывать наши мѣстные историографы, а прямо оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ. 29 мая Перовскій прибылъ въ Оренбургъ и въ тотъ же день вступилъ въ управленіе краемъ ¹⁾, теперь уже въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи ²⁾.

Опять потекли для него трудовые дни, опять всѣ заботы и всѣ помыслы направились на невѣдомыя страны Азіи.

Хотя Хива, послѣ его неудачнаго похода, опасаясь новаго наступленія русскихъ, и присмирѣла за это время; но за то коканцы, подстрекаемые ею, не давали намъ покоя и, несмотря на то, что въ киргизской степи еще въ 1845 году генераломъ Обручевымъ были возведены укрѣпленія на рѣкѣ Тургаѣ Оренбургское (нынѣ г. Тургай) и на рѣкѣ Иртызѣ—Уральское (теперь г. Иртызъ), а въ 1847 г. на устьяхъ Сыръ-Дарыи—Аральское (Раямъ), коканцы, подъ прикрытіемъ своихъ крѣпостей на Сырѣ: Чамъ, Кошъ, Кумышъ-Курганъ и особенно Акъ-мечети, свободно пробирались въ земли подвластныхъ намъ киргизовъ, брали съ нихъ подати, а при сопротивленіи жгли, грабили и даже убивали ихъ. Такъ, въ 1850 году коканцы угнали у киргизовъ 20 тыс. головъ скота, потомъ еще 26 тыс., а въ слѣдующемъ году разомъ 75 тыс. головъ.—Обищавшіе въ конецъ ордынцы взмолились о защитѣ. Перовскій зналъ ихъ просьбу, и въ томъ же 1852 году было рѣшено снова начать наступательныя дѣйствія въ глубь степи, чтобы разомъ покончить съ дѣрзостями коканцевъ.

Но назначенная для очищенія праваго берега Сыръ-Дарыи отъ коканскихъ крѣпостей экспедиція изъ 470 казаковъ хотя и успѣла захватить Чамъ, Кошъ и Кумышъ, и выгнать оттуда туземныя войска, но, благодаря малочисленности своей, принуждена была отступить, не занявъ ихъ гарнизонами. Главный же оплотъ коканцевъ, довольно хорошо укрѣпленная, Акъ-мечеть устояла противъ горста этихъ храбрцевъ. Поэтому для взятія во что бы то ни стало крѣпости этой, въ слѣдующемъ году было назначено 2.000 пѣхоты и 4.000 конницы (башкиры и казаки) при 9-ти орудіяхъ, и главное начальствованіе надъ

Обручева отъ 26 марта 1851 г. № 15.226. П. Захарыинъ („Рус. Арх.“ 1891, IV, 596) и Алекторовъ („Оренб. край“ 1894, № 118), а также „Памят. книж. Оренбур. губ.“. 1896, стр. 51 неправильно указываютъ годъ назначенія Перовскаго 1850-й. Г-нъ Ж. Жакмонъ („Москов. Вѣд.“ 1894, № 25) помнитъ еще дальше и, ни на чемъ не основываясь, утверждаетъ, что Перовскій назначенъ въ 1852 г.

¹⁾ Дѣло Тург. арх. № 26.876, листъ 3 и 4.

²⁾ Въ „Памят. кни. Орен. губ.“ 1895, Орен., II, стр. 51, почему-то указано, что Перовскій имѣлъ чинъ „генерала-отъ-инфантеріи“.

войсками принялъ, по высочайшему соизволенію, самъ начальникъ Оренбургскаго края.

Лѣто 1853 года обѣщало быть очень жаркимъ. Опасаясь, чтобы жаръ не надѣлалъ такихъ неудачъ, какъ морозъ въ хивинскомъ походѣ, В. А. на этотъ разъ принялъ всѣ мѣры предосторожности. По пути слѣдовація войскъ къ Сырь-Дарьѣ, въ нашихъ стѣнныхъ укрѣпленіяхъ были заготовлены всѣ необходимыя для облегченія движенія отрядовъ предметы. Киргизамъ строго на строго было приказано не кочевать близъ дорогъ, чтобы не потравить кормовъ, нужныхъ для продовольствія лошадей и верблюдовъ отряда.

Войска выступили съ линіи въ маѣ двумя колоннами: первая подъ командой наказнаго атамана оренбургскаго войска, генералъ-маіора Падурова, вторая подъ начальствомъ подполковника Іонина. Перовскій выѣхалъ изъ Оренбурга нѣсколькими днями позднѣе, въ сопровожденіи конвоя изъ полусотни уральскихъ казаковъ и свиты, состоящей изъ 18 офицеровъ и чиновниковъ, въ числѣ конкхъ находились В. В. Григорьевъ, предсѣдатель оренбургской пограничной комиссіи, и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, извѣстные своими учеными трудами по исторіи и ориентологіи Туркестана и Киргизской степи, а на Сырь-Дарьѣ къ нимъ присоединился только-что прибывшій изъ Петербурга генералъ-маіоръ Хрулевъ.

Слѣдуя отъ Оренбурга по рѣкѣ Илеку, отряды дошли до укрѣпленія Карабутахъ (428 верс.) въ 10 дней, до укрѣпленія Уральскаго (187 вер. отъ послѣдняго) въ 4 дня и до Раима (315 верс.), чрезъ знаменитые пески Кара-Кумы на 80-ти-верстномъ пространствѣ, въ 8 дней, а уже 6-го іюня были на берегахъ Аральскаго моря, близъ устьевъ Сырь-Дарьи.

Захватить снова коканскія крѣпости Чинъ, Кошъ и Кумышъ-Курганъ, расположенныя по этой рѣкѣ, намъ не представляло, конечно, трудности, такъ какъ, послѣ погрома прошлагодной экспедиціи Вларамберга, онѣ даже не поправлялись, а располагавшіеся тамъ, въ видѣ наблюдательныхъ постовъ, коканскіе солдаты по 50 человекъ въ каждой, подъ начальствомъ одного изъ коканскихъ башей ¹⁾, Утебгалия, при первомъ же появленіи нашихъ войскъ на Сырь, бѣжали подъ защиту Акъ-мечети.

Вообще численность коканскихъ войскъ была незначительна. Постоянныхъ солдатъ въ мирное время не существовало, а на случай войны приглашались туземцы другихъ странъ, какъ, напримѣръ, туркмены или джититы ²⁾ изъ киргизовъ. Для удержанія же наступательныхъ дѣйствій русскихъ отрядовъ 1852 и 1853 гг. были употреблены

¹⁾ Баша—голова, главный.

²⁾ Джититъ—молодежь, наѣдникъ.

другія мѣры: возмущеніе кизилбашцевъ и привлеченіе на сторону коканцевъ ихъ батырей, въ концѣ въ то время своими грабежными набѣгами особенно выдавался Исеткъ Кутебаровъ. Хотя коканцы надѣялись еще на помощь Хивы и Бухары, но помощь эта не была доставлена своевременно, такъ какъ владѣльцы этихъ ханствъ сами труслили за участь своихъ государствъ, придумывая, однако, способы удержать русскихъ отъ вторженія въ степь. Для этого Мухамедъ-Эмиръ, ханъ инъинскій, также подарками и деньгами старался подкупить знатнѣйшихъ киргизскихъ родоначальниковъ, чтобы постоянно имѣть свѣдѣнія о замыслахъ русскаго правительства. Неразъ посылалъ онъ къ Исетку и другимъ вліятельнымъ біямъ свои фирманы, прося ихъ, насколько возможно, помѣшать движенію въ степь русскихъ.

Заслышавъ о сборѣ нашихъ отрядовъ и думая, что она пойдутъ на Хиву, онъ зимой, въ концѣ 1852 года, отправилъ въ Бухару и Коканъ посольства, чтобы заключить тѣсный союзъ для борьбы съ нашествіемъ. А тѣмъ временемъ, для развѣдыванія о движеніи русскихъ войскъ, послалъ къ киргизамъ Тляулабакова и Чиничли-Табынскаго родовъ своего любимца, киргиза Сентъ-бія Байгалина. Но такъ какъ въ это время не было никакихъ дѣйствій съ нашей стороны, и войска зимой нигде не выступали, то Сентъ такъ и донесъ хану, а самъ для дальнѣйшихъ развѣдокъ остался до весны у своихъ родичей табынцевъ.

Мухамедъ-Эмиръ весьма обрадовался такому пріятному извѣщенію и, собравъ около 60 тыс. своей разношерстной рати, весной 1853 года пошелъ на туркменскую крѣпость Моверъ, не желавшую признавать его власти. Тѣмъ временемъ наши войска выступили съ инъин, и Сентъ, узнавъ о томъ, поспѣшилъ скорѣе въ Хиву, гдѣ и рассказать обо всемъ оставшимся сановникамъ. Въотъ эта такъ поразила ихъ, что они долгое время не знали, что предпринять. Наконецъ, надумали сообщить хану. Тотъ также перепутался до невозможности и, бросивъ войска, немедленно прискакалъ въ Хиву. Тутъ состоялся совѣтъ, на которомъ порѣшили, не предпринимая ничего противъ Россіи, въ случаѣ нужды предложить ей миръ, съ обязательствомъ уплачивать такую дань, какая будетъ наложена на Хиву русскимъ правительствомъ.

Причина подобнаго рѣшенія объяснялась очень просто. Ни ханъ, ни правительство инъинское не доверяли другъ другу, а населеніе враждебно относилось къ своимъ властямъ. Туркмены издавна недовольны хивинцами; кара-калпаки сильно угнетались тяжелыми работами; киргизы нерѣдко подвергались грабежамъ хивдаскихъ джигитовъ; сами коренные жители Хивы—сарты и узбеки, переносили всевозможныя обиды и разнаго рода насилія какъ отъ инъинскихъ сановниковъ, такъ и отъ самого хана. Вообще, населеніе хивинское было убѣждено

вполнѣ, что какъ ханъ, такъ и власть, готовы сами, при первомъ удобномъ случаѣ, продать ханство русскимъ. Поэтому, при малѣйшемъ давленіи нашемъ въ это время на Хаву, и народъ, и правительство хивинское, безъ сомнѣнія, постарались бы опередить другъ друга въ своихъ услугахъ намъ...

Таковы были свѣдѣнія, доставленныя оренбургской пограничной комиссіей однимъ, прибывшимъ изъ Хавы, базарчіемъ ¹⁾, киргизомъ Адаевского рода, Тангатаромъ Ирмековымъ, исполнявшимъ въ хивинскомъ городѣ Куня-Ургенчъ обязанности базаръ-баша ²⁾, при тамошнемъ атазіязъ-махремѣ ³⁾. Но безъ подтвержденія трудно дать вѣроятіе этимъ даннымъ, хотя съ другой стороны, по извѣстному вѣроломству азіатцевъ, ихъ жадности къ деньгамъ и наградамъ и отсутствію въ нихъ понятій о прямомъ долгѣ отечеству, нисколько нельзя сомнѣваться, что хивинское правительство и народъ дѣйствительно бы продали себя русскимъ, если бы въ Хивѣ въ это время появилась посторонняя значительная сила, давшая имъ толчокъ къ тому.

Впрочемъ, мѣстныя власти, чтобы отстранить отъ себя всякое подозрѣніе на этотъ счетъ, надумали набрать изъ сартовъ и узбековъ (киргизамъ уже не довѣряли) тысячъ пятнадцать войска и выставить ихъ на границѣ въ городѣ Кунградъ. Кромѣ того, по просьбѣ пріѣхавшаго коканскаго посланца, со свитой въ 40 человекъ, послано было въ Акъ-мечеть «девять верблюдовъ съ порохомъ и свинцомъ» ⁴⁾, а киргизамъ отправлены увѣщательныя грамоты.

Этимъ моментомъ воспользовался мятежный батыръ Исеть Кутебаровъ ⁵⁾ и, соединившись съ сыномъ извѣстнаго степнаго разбойника Сююнкары-Маруномъ, собралъ около себя изъ вѣрныхъ ему тлаукабаковцевъ шайку въ 1.000 человекъ, намѣреваясь съ нею задержать движеніе въ степь русскихъ отрядовъ.

Первая попытка его въ этомъ направленіи была та, что онъ, по требованію пограничнаго начальства, въ началѣ 1853 года, не далъ верблюдовъ подъ свой транспортъ изъ укрѣпленія Уральскаго въ укрѣпленіе Рамизъ. Потомъ, послѣ прохода чрезъ Уральское укрѣпленіе русскихъ войскъ къ Акъ-мечети, шайка его, 20-го іюня 1853 года, украла изъ этого укрѣпленія 11 казачьихъ лошадей. Тѣмъ временемъ дѣти батыря Сююнкары, съ партией въ 100 человекъ, сдѣлали нападе-

¹⁾ Торговецъ на базарѣ.

²⁾ Начальникъ базара.

³⁾ Таможенный сборщикъ или начальникъ торговли.

⁴⁾ Вьюкъ верблюда развѣсится 16-ти пудамъ.

⁵⁾ Подробности о мятежныхъ дѣйствіяхъ этого батыря, начавшихся въ 1847 году и кончившихся въ 1857 году, см. въ нашей статьѣ „Исеть Кутебаровъ“. „Оренб. Губерн. Вѣдом.“ 1891 г., № 13, 14, 15.

ніе на форпосты Нижне-Уральской линіи и угнали 200 лошадей. Предводитель шайки этой, Марунъ, писалъ хану хивинскому, что онъ охотно будетъ противоѣдствовать предпріятіямъ русскихъ, если Мухамедъ-Эмиръ дастъ подкрѣпленіе или, по крайней мѣрѣ, по-прежнему согласится покупать отъ киргизовъ приводимыхъ въ Хиву русскихъ плѣнниковъ. Ханъ изъявилъ полное согласіе, благодарилъ обоихъ батырей, а Исети, за невыдачу русскимъ верблюдовъ, прислалъ 200 червонцевъ и обѣщался помочь имъ осенью, чтобы уничтожить Уральское укрѣпленіе.

Общанія хана не обманули. Русскіе уже подступили къ Атмечети, которая хотя и была «окружена тремя крѣпкими стѣнами, съ тремя пушками на нихъ» и защищалась 20-ю тысячами коканскихъ войскъ, присланныхъ, подъ начальствомъ Мухамедъ-Кула, прямо изъ Кокана, но не могла выдержать храбраго натиска русскихъ и 28-го іюля 1853 года пала.

Успѣху такого скорого окончанія задуманнаго нами предпріятія способствовало то, что въ это время въ Коканскомъ ханствѣ царилъ полнѣйшая неурядица и сильное ослобленіе народа противъ своего хана Худояра, который, незадолго передъ войной съ русскими, совершенно неповиновенно казнилъ двухъ своихъ важныхъ сановниковъ—Мусульманъ-Чулака, исправлявшаго должность мнѣ-башни ¹⁾ ханства, и Нурмухамеда, ташкентскаго кушъ-беги ²⁾.

Кто-то изъ приближенныхъ донесъ хану, что вѣроятно эти хотѣтъ отдать ханство русскимъ, какъ только послѣдніе переступятъ коканскую границу. И ханъ, не повѣривъ доноса и не допросивъ даже самихъ обвиняемыхъ, ни о чемъ не размышляя, повелѣлъ казнить вѣрныхъ слугъ своихъ. Мусульманъ-Чулакъ, однако, успѣлъ скрыться къ «дикаменнымъ» киргизамъ ³⁾. Но Худояръ хитростью, пославъ ему шлоистное письмо, въ которомъ увѣрялъ, что доносъ на него оказался ложью, и что онъ готовъ дать ему высшее и болѣе почетное мѣсто, заманилъ его къ себѣ и казнилъ вмѣстѣ съ семьей его приверженцами. Нурмухамедъ же съ прочими сановниками «изъ капчаковъ» ⁴⁾ былъ повѣшенъ.

На мѣсто послѣдняго ханъ назначилъ своего старшаго брата Мулу-бека, давъ ему въ качествѣ совѣтника (да х та) киргиза Гибадая, приходившагося хану родственникомъ по матери. Должность же мнѣ-башни оставалась свободной и во время войны.

¹⁾ Начальникъ войска, скорѣе военный министръ, отъ словъ: мнѣ-ты-сча, башъ-голова, т. е. тысяченачальникъ.

²⁾ Кушъ-бегі—генералъ-губернаторъ.

³⁾ Должно быть, киргизы сѣвернаго Памира.

⁴⁾ Т. е. Кичацкаго рода средней киргизской орды.

Такою вопіющею несправедливостію, ибо казенные не только были неповинны, но пользовались уваженіемъ своего народа, Худояръ такъ вооружалъ противъ себя населеніе, что среди туземцевъ начался ропотъ и волненія, а киргизы Большой орды, находившіеся въ нѣкоторомъ подчиненіи у Кокана, уже открыто выражали свой протестъ хану, охотно отдавая русскимъ отрядамъ верблюдовъ подъ своею тяжестью, въ полной увѣренности, что эта услуга русскому правительству вознаградится потомъ сторицею. Рассказываютъ, что даже предводитель войскъ въ Акъ-мечети, Муламедъ-Кулъ (родомъ сартъ), былъ также склоненъ на сторону русскихъ ¹⁾.

Передъ Акъ-мечетью за три дня пути Перовскій обогналъ колонну подполковника Іонина, а за два дня — колонну Падурова и съ однимъ только штабомъ и конвоемъ явился предъ стѣнами крѣпости, остановившись лагеремъ всего въ 600 саженьяхъ отъ нея; потомъ выслалъ парламентеровъ и самъ поѣхалъ съ ними. Коканцы подпустили ихъ къ крѣпости, а потомъ дали залпъ. Пришлось отступать и въ довольно опасномъ положеніи дожидаться прибытія войскъ, подошедшихъ къ Акъ-мечети 2-го іюля.

Туземцы въ пятисаженныхъ стѣнахъ держались первое время стойко и по цѣлымъ ночамъ не давали покоя нашимъ войскамъ, тревожа безпрестанными орудійными выстрѣлами, затихавшими только на день.

Извѣдавъ неудачу въ хивинскомъ походѣ и не зная еще, какъ сражаться съ азіатами, Перовскій дѣйствовалъ осторожно и велъ осаду по всѣмъ правиламъ современной науки, точно бралъ сильную европейскую крѣпость. Это ободрило коканцевъ и навело уныніе на подвластныхъ имъ киргизовъ, которые думали, что русскіе не могутъ взять Акъ-мечети. Мало того, 18-го іюля получено было извѣстіе, что на подмогу ея идутъ войска изъ Ташкента.

Чтобы помѣшать движенію непріятельскихъ войскъ, Перовскій двинулъ, подъ начальствомъ Падурова, къ переправѣ Сыгазы, легкій отрядъ въ 500 казаковъ, съ однимъ четверть-пудовымъ и двумя трехфунтовыми единорогами. Но отрядъ этотъ, сдѣлавъ лишь 30 верстъ пути, вернулся назадъ и ничего не развѣдалъ, а между тѣмъ слухи о приближеніи непріятельскихъ войскъ упорно держались. Тогда В. А. послалъ снова отрядъ до крѣпости Джулекъ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно взять ее.

21-го іюля отрядъ дошелъ до Сыгазы и, переправившись тутъ чрезъ Беръ-Казанскій протокъ, «на одной киргизской лодкѣ, одной бударѣ и одномъ плотѣ изъ сухаго камыша», на другой день, пройдя, по причинѣ дурной для орудій дорогѣ, лишь 50 верстъ, заночевалъ

¹⁾ „Оренб. Губерн. Вѣдом.“ 1891 г., № 14.

при озерѣ Итъ-Аякъ. Но 23-го іюня, сдѣлавъ только двадцать верстъ и остановившись у какой-то долины, гдѣ располагался киргизскій аулъ, казаки были уже въ виду крѣпости, до которой оставалось не болѣе 15-ти верстъ.

Киргизы обрадовались приходу русскихъ, и многіе изъ нихъ явились къ Падурову съ предложеніемъ своихъ услугъ. Отъ нихъ начальникъ отряда узналъ, что въ Джулекѣ всего 40 коканцевъ, такъ что завладѣть крѣпостію не представлялось никакой трудности. Но киргизы опередили отрядъ и, чтобы защитить явившихъ въ крѣпости ихъ родственниковъ, вызвались уговорить коканцевъ сдать Джулекъ безъ боя. Эту миссію принялъ на себя батыръ Тургай и тотчасъ же поѣхалъ туда. Черезъ нѣсколько времени столбъ густой пыли потонулъ изъ крѣпости по направленію къ Ташкенту: то бѣжали слабые защитники Джулека. Отряду нашему дали знать, что все готово, и, не успѣло еще южное солнце скрыться за завѣсу степной ночи, какъ Джулекъ былъ нашъ.

Казаки нашли въ крѣпости 19 ружей, различной длины и калибра, съ фитильными замками, пуда полтора пороху, 3¹/₂ пуда свинца, нѣсколько мѣшковъ рису, изюму и табаку, 6 головъ рогатаго скота и одного ученаго беркута, цѣнившася киргизами въ 100 барановъ, котораго, въ величайшей радости, и отдали Тургаю, въ благодарность за оказанную услугу.

Взятіе Джулека много помогло успѣху паденія Акъ-мечети. Защитники ея приручили. А Перовскій тѣмъ временемъ, наскучивъ безплодной трехнедѣльной осадой, двинулъ войска на приступъ, и въ какихъ-нибудь 20 минутъ крѣпость была взята.

Послѣ взятія крѣпостей этихъ, приступлено было къ основанію, такъ называемой, Сыръ-Дарьинской линіи, которая составила изъ прежняго укрѣпленія Аральскаго и вновь возведенныхъ фортовъ—№ 1, на востокъ рѣки Казалы, № 2-го—на урочищѣ Кармакчи, № 3-го—на Куванъ-Дарьѣ и форта «Перовскаго», переименованнаго, по высочайшему повелѣнію, въ честь виновника побѣды изъ Акъ-мечети—на Сыръ-Дарьѣ ¹⁾.

Перовскій оставался здѣсь до 5-го августа и потомъ отправился въ Оренбургъ, оставивъ въ этой крѣпости три роты 4-го Оренбургскаго линейнаго батальона ²⁾, двѣ сотни уральцевъ и сотню башкиръ при 17-ти орудіяхъ.

¹⁾ Въ 1856 году за ненадобностію укрѣпленіе Аральское и фортъ № 3-й были упразднены.

²⁾ Въ батальонѣ этомъ находился нашъ знавшій мостъ А. Н. Плещеевъ, также принимавшій участіе въ штурмѣ Акъ-мечети и произведенный 27-го декабря того же года въ прапорщики, съ переводомъ въ № 3-й Оренбургскій линейный батальонъ, стоявшій въ Оренбургѣ.

За покореніе кокандцевъ и взятіе Акъ-мечети, онъ, въ числѣ прочихъ награждаемыхъ (27-го декабря 1853 года), былъ возведенъ въ графское достоинство. Остальные участники похода получили слѣдующія награды: всѣмъ чинамъ отряда выдано было, не въ зачетъ, годовой окладъ жалованья, 36-ти лицамъ были пожалованы золотыя сабли и ордена, 67-ми—чины и 14-ти—денежныя награды. Нижнимъ же чинамъ—50 знаковъ отличія военнаго ордена для христіанъ и 12-ть для магометанъ установленныхъ.

Вислѣдствіи, въ томъ же 1853 году, а потомъ въ 1855 году, кокандцы всѣми мѣрами старались возвратить Акъ-мечеть, но уже было поздно: мы достаточно прочно укрѣпились на Сыръ-Дарьѣ.

Хотя кокандскій походъ не принесъ намъ особенной пользы, но имѣлъ то существенное значеніе, что, съ приобретеніемъ нами спорныхъ пунктовъ на Сырѣ и Аральскомъ морѣ, намъ открылся болѣе широкій путь для дальнѣйшихъ блистательныхъ побѣдъ, завершившихся полнымъ покореніемъ Туркестана и уничтоженіемъ Кокандскаго ханства.

VII.

Кончина императора Николая.—Письмо императора Александра II Перовскому по этому случаю.—Отвѣтъ В. А.—Повѣдка на коронацію.—Новое и послѣднее награжденіе Перовскаго.—Привѣтъ по корпусу.—Увольненіе отъ должности и назначеніе генерала Катенина.—Его приказъ, какъ данъ уваженія къ дѣятельности В. А.—Кончина Перовскаго.

18-го февраля 1855 года скончался императоръ Николай I, и для Перовскаго больше, чѣмъ для остальныхъ, это было самымъ тяжкимъ испытаніемъ. Почилъ въ Божѣ его защитникъ, его благодѣтель, и В. А. упалъ духомъ. Но новый императоръ, при вступленіи на престолъ, не позабылъ стараго воина, и, очевидно, чтобы поддержать его, 19-го февраля почтилъ такимъ собственноручнымъ письмомъ своимъ:

«Что во мнѣ происходитъ, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ, вы поймете! Спасибо вамъ, отъ имени незабвеннаго благодѣтеля нашего, за вашу долговременную, вѣрную и усердную службу при немъ. Я васъ знаю, и вы меня знаете. Будьте тѣмъ, чѣмъ всегда были. Обнимаю васъ отъ души».

Но какъ ни пріятно, какъ ни драгоцѣнно было для Перовскаго получить изъ собственныхъ рукъ молодого царя первое проявленіе милости, онъ уже чувствовалъ, что его пѣсня спѣта. Теперь пошла новыя

вѣянія, новыя идеи, болѣе просвѣщенныя, болѣе гуманныя. Старая школа, съ ея строгой субординаціей, отживала свой вѣкъ. А. В. А—чу, уже шестидесятилѣтнему старцу, трудно было примѣняться къ новымъ порядкамъ, трудно было перерабатывать свою натуру. И въ отиѣтномъ письмѣ своемъ новому императору онъ такъ и называетъ свое душевное состояніе.

«Слезами невыразимой душевной скорби омылъ я горькія и вмѣстѣ драгоценныя строки, коими благоугодно было вашему величеству удостоить стараго слугу августѣйшаго родителя вашего, а моего государя и благодѣтеля, столь внезапно для насъ отошедшаго въ вѣчность. Если бы остатокъ дней моихъ не принадлежалъ уже вамъ, государь, но нераздѣльной съ жизнью моею преданности благословенному дому вашему, то одно чувство умиленія и глубокой благодарности за воспоминаніе обо мнѣ въ часы, для сердца вашего столь тяжкіе, заставилъ бы меня посвятить вамъ послѣднія силы духа и послѣднюю каплю крови.

«Безотрадно только мнѣ, помышляя о кончинѣ того, кого любилъ болѣе себя самого, сознавать, сколько для меня осталось времени, чтобы любовь и преданность, которыми проникнуть я къ его преемнику, выразить вамъ, государь, какъ бы желалъ я на дѣлѣ. Но если на службу вамъ не достанетъ у меня жизни, то за гробомъ буду я молить Всевышняго—да благословитъ Онъ и напутствуетъ васъ на великомъ и тяжкомъ пути».

Въ августѣ 1856 года, В. А. поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы проводить молодого царя на священное коронованіе въ первопрестольную столицу, и просилъ его о своемъ увольненіи на покой. Но юный государь, не желая огорчать старика, облакалъ его и въ торжественный день коронованія, 26-го августа, пожаловать его высшей наградой, о которой самъ Перовскій вотъ какой отдалъ приказъ по оренбургскому корпусу (отъ 5-го сентября, № 250):

«Государю императору благоугодно было, 26-го минушаго августа, всемогуществѣнне удостоить меня пожалованіемъ алмазныхъ знаковъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, кои имѣлъ я счастье получить при слѣдующей высочайшей грамотѣ:

«Нашему генералъ-адъютанту, командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору, графу Перовскому.

«Достохвальное служеніе ваше престолу и отечеству всегда отличалось самымъ дѣятельнымъ и примѣрно-ревностнымъ исполненіемъ возлагавшихся на васъ обязанностей. Зная, сколь высоко незабвенный нашъ родитель цѣнилъ вашу преданность къ нашему августѣйшему дому, намъ пріятно, въ настоящія торжественныя для насъ минуты,

обратиться къ воспоминанію, что, при нашемъ рожденіи въ стѣнахъ Московскаго Кремля, родителю нашему угодно было избрать васъ для извѣщенія о томъ императора Александра I, а впоследствии на васъ же возложить сопутствованіе намъ въ Москву къ Священному Коронованію нашихъ родителей. Желая изъяснить вамъ душевную нашу признательность, какъ за прежнюю службу императору Николаю I, такъ и за настоящіе неутомимые труды по управленію вѣренными вамъ обширными краемъ, всемілостивѣйше жалуемъ вамъ алмазные знаки ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, кои при семъ препровождаю, пребываемъ къ вамъ навсегда благосклонны. Александръ».

Это была лебединая пѣснь В. А.—ча. Вскорѣ ему былъ намѣченъ преемникъ, генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, бывшій преображенецъ, который 31-го декабря 1856 года прибылъ въ Оренбургъ сначала для того, чтобы, подъ руководствомъ Перовскаго, «присмотрѣться къ дѣлу», не потому опять уѣхалъ въ Петербургъ. Краемъ же по-прежнему до апрѣля 1857 года управлялъ Перовскій, живя все время въ Оренбургѣ¹⁾. Наконецъ, 7-го апрѣля 1857 года послѣдовалъ высочайшій приказъ такого содержанія:

«Снисходя къ просьбѣ командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, нашего генералъ-адъютанта, генерала-отъ-кавалеріи, графа Перовскаго, по совершенно разстроенному его здоровью, всемілостивѣйше увольняемъ его отъ настоящихъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, членомъ Государственнаго Совѣта, повелѣвая быть командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту Катенину, съ оставленіемъ его въ званіи генералъ-адъютанта».

Тихо, безъ шума выѣхалъ, вскорѣ послѣ полученія этого приказа, В. А. изъ Оренбурга. А преемникъ его не торопился въ новый край. Но пріѣхавъ туда 16-го іюня и вступивъ въ отправленіе должности, Катенинъ рыцарски отдалъ должную дань своему предшественнику приказомъ того же числа по корпусу (за № 178), въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

«По волѣ государя императора, замѣшая генералъ-адъютанта графа Перовскаго, многолѣтніе труды моего останутся навсегда памятнымъ краю, имъ такъ горячо любимому, а вполне постигаю всю важность и отвѣтственность

¹⁾ Г. Захарьинъ («Русск. Арх.» 1891, IV, 595), даетъ ошибочныя данныя, что «Перовскій управлялъ краемъ до половины 1856 года. Въ августѣ онъ уѣхалъ изъ Оренбурга на коронацію и болѣе уже не возвращался въ излюбленный имъ край».—Мы имѣемъ въ рукахъ точныя архивныя данныя,—аттестатъ покойному поэту А. Н. Плещееву, подписанный собственноручно самимъ Перовскимъ въ Оренбургѣ, 10-го февраля 1857 года, съ полнымъ титуломъ В. А.—ча (См. Вышеноказанное дѣло Тургайск. Облас. арх.).

возложенныхъ на меня обязанностей; но не сомнѣваюсь также, что въ сослуживцахъ моихъ найду ревностныхъ и добрыхъ помощниковъ, а потому надѣюсь, что, съ благословеніемъ Божиимъ, оправдавъ высокое довѣріе государя императора, заслужу то милостивое одобреніе, котораго постоянно удостоивался мой почтенный предѣстникъ".

Катенинъ сказалъ только правду. Графъ Перовскій будетъ долго памятенъ Оренбургскому краю, который онъ покинулъ со слезами на глазахъ. Хотѣлъ В. А. умереть среди дорогихъ его сердцу казаковъ, въ миломъ ему краю, но судьба судила иначе.

Поселившись послѣ того, по совѣту врачей, въ Крыму, въ имѣніи князя Воронцова—Алуцкѣ, онъ не могъ уже поправиться отъ тяжелыхъ ранъ своихъ и болѣзней душевныхъ и 8-го декабря 1857 года тихо скончался—одинокій и всѣми покинутый...

VIII.

Нѣкоторая характеристика графа Перовскаго. — Случай, рисующій его строгость, суровость и милость. — Люди, окружавшіе его. — Заботы о народѣ и о благоустройствѣ города и края. — Башкиры. — На Гребеняхъ. — Маршъ его имени. — Значеніе Перовскаго для Оренбургскаго края. — Заключеніе.

У всякаго человѣка есть свои слабости, свои недостатки. Перовскій также, какъ человѣкъ, не могъ быть полнымъ совершенствомъ. Но понять его характеръ довольно трудно: то онъ былъ слишкомъ добръ и милостивъ, снисходителенъ къ слабостямъ другихъ, то ужъ очень строгъ и взыскателенъ. Иной разъ это былъ звѣрь, а не человѣкъ. Рассказываютъ, что въ Кардановской станицѣ (Оренбургскаго войска) онъ до смерти запорогъ казака за то только, что тотъ не хотѣлъ участвовать въ общественной заправкѣ, а причитающійся на долю его семья хлѣбъ намѣревался прямо засыпать въ общественный магазинъ—безъ всякихъ хлопотъ. Перовскій принялъ это за ослушаніе начальству, за «буить», пригласилъ священника, приказалъ ему исповѣдать и причастить виновнаго и тутъ же, не выходя изъ-за стола, за которымъ пилъ чай, велѣлъ въ двѣ нагайки полосовать казака до тѣхъ поръ, пока тотъ не умеръ подъ ударами.

Энергія, быстрота, натискъ—вотъ были главныя особенности дѣятельности Перовскаго.

Красавецъ собой, статный, повыше средняго роста, хорошо воспитанный, онъ въ обществѣ производилъ чарующее впечатлѣніе. Особенно въ восторгѣ отъ него были дамы, которыя, кажется, считали для

себя священнымъ долгомъ влюбляться въ него и чуть не бѣжали за нимъ—куда онъ, туда и онѣ. Подъ-часъ онъ такъ умѣлъ очаровывать ихъ, что, какъ говорится, въ душу влѣзаетъ. Но другой разъ отъ одного его сердятаго взгляда эти же дамы падали въ обморокъ.

Съ подчиненными онъ вообще обращался строго, даже сурово. Не позволялъ имъ «смѣть свое сужденіе имѣть», особенно же во время служебныхъ обязанностей, а внѣ службы обходился съ ними иногда ласково. Очевидно, онъ преслѣдовалъ девизъ: «служба—службой, а дружба—дружбой». Но если онъ кого любилъ или кто-либо изъ подчиненныхъ понравился ему, онъ не охлаждалъ къ тому никогда, пусть какіе бы ни дѣлали окружающіе на него наветы.

Любя науку, литературу и искусства и преклоняясь предъ людьми ума, какъ человекъ образованный, онъ и въ этомъ отдаленномъ полу-азиатскомъ краѣ сумѣлъ найти и окружить себя людьми развитыми и даровитыми. Въ первое его командованіе при немъ служили—Григорій Федоровичъ Генсъ, предсѣдатель Оренбургской пограничной комиссіи (1825—1844) и директоръ Неплюевского кадетскаго корпуса въ одно и то же время (1824—1832), а потомъ попечитель его, оставившій послѣ себя нѣсколько записокъ изъ быта и исторіи калмыков¹⁾, и извѣстный писатель Владиміръ Ивановичъ Даль (казакъ луганскій); во второе командованіе—Василій Васильевичъ Григорьевъ, тоже предсѣдатель пограничной комиссіи (1854—1862), Николай Ивановичъ Ильминскій, Алексѣй Александровичъ Бронниковъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и состоящій на должности оренбургскаго гражданскаго губернатора, камергеръ Яковъ Владиміровичъ Ханниковъ (1849—1855)—все люди обширнаго ума и извѣстные своими литературными трудами по исторіи и оріентологіи Оренбургскаго края, Калмыцкой степи и частію Средне-Азіатскихъ ханствъ.

За обѣдомъ или вечерами, послѣ дневныхъ докладовъ, В. А. часто отводилъ душу съ этими просвѣщенными людьми.

Онъ былъ дѣйствительно истиннымъ труженникомъ на своемъ посту: заботился и о просвѣщеніи народа; заботился и о расширеніи и процвѣтаніи нашей Средне-Азіатской торговли, обороты коей при немъ достигли 6 милл. рублей; заботился и о благоустройствѣ края и города. Обширный умъ его хотѣлъ объять все, а онъ жилъ только одной мечтой, какъ бы лучше устроить любимый имъ край, чтобы онъ былъ образцовымъ въ Россіи. Для осуществленія тѣхъ или другихъ предприятий, ни передъ чѣмъ не останавливалась его пылкая натура. И что онъ задумалъ разъ, то не бросалъ тотчасъ же задуманнаго, какъ другіе, а доводилъ это до конца.

¹⁾ Записки эти хранятся—частію въ бібліотекѣ оренбур. отдѣла Географическаго общества (8 книгъ), частію же въ Оренбург. централ. архивѣ.

Чтобы увеличить торговое сословіе въ Оренбургскомъ краѣ для широкаго распространенія пограничной торговли, онъ ходатайствовалъ о продолженіи беспошлиннаго торгова въ Оренбургѣ—и высочайшимъ повелѣніемъ 1836 года срокъ этого торгова продолженъ еще на 6 лѣтъ. Благодаря его же стараніямъ въ 1837 году повелѣно было «съ Оренбургскихъ купцовъ и мѣшанъ русскаго происхожденія, постоянно жившихъ въ Оренбургѣ, взимать въ теченіе 5-ти лѣтъ только половину гильдейскихъ пошлинъ и податей». А въ 1839 году купцамъ 2-й и 3-й гильдіи, торговавшимъ въ Средней Азіи, предоставлены были права 1-й гильдіи.

Для увеличенія же доходности казны, при немъ, помимо распоряженія 1833 года о взиманіи съ киргизовъ особой платы за перепускъ скота на внутреннюю сторону линіи—съ мелкаго по 2 коп., рогатаго—5 коп., и верблюда и лошади—10 коп. ассигнаціями—въ 1834 году повелѣно за прогонъ киргизскаго скота чрезъ Троицкую таможену брать съ крупнаго по 15 коп., а съ мелкаго по 5 коп. съ головы. Только скотъ, протогонимый изъ степи на продажу, былъ освобожденъ отъ платежа этого налога. Въ 1837 году было издано повелѣніе—«взимать съ прилинейныхъ киргизовъ кибиточный сборъ по 1½ руб. сереб. съ каждой кибитки», распространяя это повелѣніе «по мѣрѣ упроченія русскою властію въ степи и на киргизовъ, кочующихъ въ глубинѣ ея».

Забота же его о просвѣщеніи народа выразилась въ открытіи въ 1834 году въ г. Троицкѣ уѣзднаго училища, а въ 1839 году открытіемъ приходскихъ школъ въ Троицкѣ же и въ Челябинскѣ.

По инициативѣ Перовскаго, при его канцеляріи, стараніями В. Я. Григорьева, въ 1854 году впервые была заведена библиотека, вполне приуроченная къ изученію мѣстнаго края, куда выписывались не только научныя русскія журналы и выдающіяся сочиненія, но и иностранныя журналы ¹⁾.

Потомъ по плану В. А. выстроено (въ 1856 г.), на берегу рѣки Урала, близъ Преображенскаго собора, приспособленное исключительно для храненія мѣстныхъ архивовъ и этой библиотека, особое роскошное зданіе, въ средневишковомъ стилѣ, облицованное глазированнымъ цѣтнымъ (голубой, красный и бѣлый) кирпичемъ, съ отдѣльной башней, гдѣ и до сихъ поръ сохранились и дѣйствуютъ, съ тремя циферблатами, башенныя часы московской фабрики брат. Бутенонъ, установленныя здѣсь въ 1855 году, которые тремя мелкими колокольчиками выби-

¹⁾ Вслѣдствіи библиотека эта перешла къ Оренбургскому отдѣлу И. р. Географ. общества, а нынѣ передава для пользованія въ Оренб. городскую библиотеку. Тамъ есть много рѣдкихъ книгъ и даже рукописей, еще не описанныхъ.

вать четверти и полчаса, а часы—отсчитываются рѣдкимъ звономъ колокола ¹⁾).

Немного ранѣе—въ 1855 г., построено изъ такого же кирпича еще одно зданіе позади Караванъ-сарайскаго сада, гдѣ нынѣ хранятся экспедиціонныя вещи интендантскаго вѣдомства.

Въ первое командованіе его начать постройкой обширный (въ 11 тысячъ кв. саж.) Караванъ-сарайскій садъ съ зданіемъ караванъ-сарая, для помѣщенія тамъ Башкирскаго коннаго полка, съ мечетью при немъ, изъ коихъ первое окончено въ 1842 г., а вторая—въ 1846 году ²⁾. Затѣмъ онъ построилъ, на берегу рѣки Урала, обращенныя лицомъ на киргизскую сторону, Николаевскія (оборонительныя) казармы (въ 1838 г.), и близъ нихъ—себѣ домъ (1840 г.), именующійся и до сихъ поръ генераль-губернаторскимъ, хотя онъ уже переданъ въ министерство финансовъ, и въ немъ въ настоящее время находятся казенная палата и губернскае казначейство.

Надъ домомъ этимъ высится нарочно-устроенная крытая вышка, изъ оконъ коей, какъ наладони, видна вся зауральная степь, и рассказываютъ, что Перовскій чуть не каждый день проводитъ въ ней по нѣсколько часовъ, рассматривая въ подзорную трубу синѣющую даль и уходя думами въ далекія, далекія степи. Здѣсь, можетъ быть, не одна смѣлая мысль въ часы досуга обѣдала его, не одно полезное предпріятіе задумывалось и обсуждалось. Увы, теперь этотъ памятникъ Перовскихъ «думъ» разрушается и переименовывается «съ духомъ времени».

Кромѣ того В. А.—чѣмъ построено зданіе генераль-губернаторской канцеляріи (въ 1852 г.), гдѣ теперь находится контрольная палата, затѣмъ—магометанское кладбище (1852) ³⁾ и устроенъ въ Оренбургѣ городской водопроводъ.

Всѣ почти постройки эти производились башкирами, нарочно назначаемыми сюда изъ полковъ и кантоновъ. Необходимый для строеній лѣсъ сплавлялся изъ Башкиріи по рѣкѣ Сакмарѣ башкирами же. Камень и известь также выработывались ими въ 20 верстахъ отъ Оренбурга на Гребенской горѣ, куда Перовскій неразъ наѣзжалъ самъ, чтобы наблюдать за работами.

Двадцать верстъ вѣдь разстояніе небольшое. Пообѣдаетъ онъ въ три часа, велитъ засѣдять кони (верхомъ онъ больше любилъ ѣздить), возьметъ съ собою вѣстового казака и маршъ туда, а вечеромъ къ чаю

¹⁾ Нынѣ зданіе это находится въ военномъ вѣдомствѣ, и въ немъ помѣщается гауптвахта.

²⁾ Дѣло Тургайс. области. арх. № 22749.—Теперь въ этомъ зданіи помѣщаются губернскія присутственныя мѣста и квартира оренбургскаго губернатора.

³⁾ См. дѣло Тург. об. арх. № 38687.

домой вернется. Неразъ онъ дѣлалъ и богѣ значительныя поѣздки, чѣмъ до Гребеней и обратно.

Башкиры сильно любили Перовскаго, и сильное обожаніе этихъ дикарей лѣсовъ къ этому начальнику края нѣтъ никакой возможности описать. Они и теперь съ восторгомъ вспоминаютъ о немъ и съ увлеченіемъ рассказываютъ о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда въ немъ Перовскій «густымъ гулялъ». Благодарная память о немъ передается у нихъ отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ, и навѣрно еще долго будетъ сохраняться въ потомствѣ. Мало того, они составили въ честь В. А. свой оригинальный маршъ—«Правскій маршъ» и вездѣ, и постоянно, куда ни посмотрите—и въ убогой хижанѣ, и въ богатыхъ хоромахъ знатныхъ изъ нихъ, на всѣхъ праздникахъ и увеселеніяхъ,—они навгрываютъ его на джибызгъ *) и заливаются неугашимыми слезами: «Маласса былъ Василь Лексѣичъ! Такуй добра душа не будить булша!»

Маршъ этотъ распространенъ не только въ Башкиріи, но его можно слышать и въ Оренбургѣ, въ мелкихъ трактирчикахъ и гостиницахъ, гдѣ собирается простой народъ. Говорятъ, что онъ написанъ, какъ воспоминаніе о несчастномъ хивинскомъ походѣ.

Такимъ образомъ В. А. Перовскій живетъ въ памяти народной не только по однимъ воспоминаніямъ, но живетъ еще въ чувствахъ и сердцахъ исполнителей и слушателей этой мелодіи, въ сердцахъ тѣхъ дикарей, которые были когда-то непокорны намъ, а ему остаются до сихъ поръ благодарными.

Значеніе В. А. и его заслуги какъ для Россіи вообще, такъ для Оренбургскаго края въ особенности—несомнѣнны. Такихъ видныхъ, заботливыхъ и дѣятельныхъ администраторовъ въ Оренбургскомъ краѣ со дня его существованія (съ 1735 г.) было только двое: Ив. Ив. Неплюевъ, первый оренбургскій губернаторъ и основатель г. Оренбурга на настоящемъ его мѣстѣ, и В. А. Перовскій, первый генералъ-губернаторъ оренбургскій, котораго, если можно выразится такъ, должно назвать устроителемъ этого города **).

*) Джибызга — музыкальный инструментъ, выдѣлываемый изъ длинной дудки хвощевика (иногда желѣзная), на которой прорѣзываются попеременно-продольныя дыры, замѣняющія лады. Вверху же дѣлается боковое поперековое отверстіе, и верхній край дудки срѣзывается по діагонали, а потому въ пустое пространство вставляется наложка (обрубокъ) съ дырой, въ которую и дуютъ.

**) Интересное еще сопоставленіе: какъ И. И. Неплюевъ управлялъ Оренбургскимъ краемъ 16-тъ лѣтъ (съ 1742—1758 г.), такъ и В. А. столько же времени и почти въ одинаковыя годы, только разныхъ столѣтій.

Желая сохранить живую память о В. А., мы прилагаемъ здѣсь портретъ его ¹⁾, рисованный тушью и карандашемъ, прямо съ оригинала, мѣстнымъ художникомъ-академикомъ Алексѣемъ Чернышевымъ, современникомъ Перовскаго, пользовавшимся также его покровительствомъ.

Портретъ этотъ снятъ въ послѣднее командованіе Оренбургскимъ краемъ В. А. и производитъ поразительное сходство съ оригиналомъ.

П. Юдинъ.

¹⁾ Приложенъ въ майской книжкѣ журнала.

Р е д.